

ТЕАТР РОМАНТИКИ И ПРАВДЫ

В ЦЕНТРЕ болгарской столицы, недалеко от древнего храма Софии, в густой сени деревьев похоронен великий народный поэт Болгарии Иван Вазов. Вместо памятника на его могиле большой камень с горы Витоша, на котором часто в раздумье сидел поэт.

До сих пор живут в памяти и сердцах людей его вдохновенные строки:

Россия! Свято нам оно.
То имя милое, родное,
Оно, во мраке огневом,
Для нас надеждою полно!

Глубоко знаменательно, что старейший болгарский национальный театр носит имя Ивана Вазова.

Это любимый театр Софии. Спросите у любого жителя болгарской столицы, и он охотно, бросив все дела, приведет вас к величественному зданию с живописными барельефами и скульптурами. По дороге ваш спутник с гордостью расскажет, что Национальный театр несколько лет назад отметил свое 50-летие и награжден орденом Георгия Димитрова, и что формировался коллектив в традициях русского сценического реализма и много лет им руководил воспитанник Московского Художественного театра Н. О. Массалитин. Сейчас на афише театра можно встретить произведения Островского, Горького, а также многие пьесы советских драматургов. Некоторые из них поставлены нашими режиссерами Б. Бабочкиным и Н. Петровым.

И вот мы на спектаклях Болгарского национального театра в Москве. Да, искусство его актеров быстро покорило зрителей, вызвало единодушный отклик. Перед глазами прошли десятки различных образов и далекого прошлого, и дней, когда в стране зрели революционные силы, загоралась заря свободы. Театр предстал как страстный поборник гуманизма в искусстве. В своих масштабных патристических постановках он говорит о больших делах и чувствах, о судьбах народа, о сильных и смелых людях, чья жизнь отдана родине.

Величавой героиней овеян спектакль «Иван Шишман», драма в стихах выдающегося современного поэта и драматурга Болгарии Камена Зидарова. Это волнующее романтическое произведение, продолжающее высокие традиции исторической драматургии Ивана Ва-

Заключительный спектакль болгарских артистов в Москве прошел с огромным успехом. Москвичи долго не отпускали гостей со сцены. Весь зал стоя скандировал: «Вечная дружба».

На спектакле присутствовали товарищи Л. Н. Брежнев, Ф. Р. Козлов, А. Н. Косыгин, А. И. Микоян, Д. С. Полянский, М. А. Сулов, Н. С. Хрущев, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, Л. Ф. Ильичев, Б. Н.

Пономарев, А. Н. Шелепин, а также министр культуры СССР Е. А. Фурцева и посол Народной Республики Болгарии в Советском Союзе Любен Н. Герасимов с супругой.

Руководители партии и правительства по окончании спектакля встретились с артистами Театра имени И. Вазова и тепло их приветствовали.

зова, А. С. Пушкина, А. К. Толстого. Образ Ивана Шишмана — последнего царя независимой Болгарии до порабощения страны турками — это олицетворение народного героя с его благородством, мудрой, могучей силой.

Немыслимо трудно сценическое воплощение роли Ивана Шишмана, где герой показан на протяжении чуть ли не всей своей жизни, где вспышки темперамента сменяются длинными философскими монологами — исповедью страстного, сильного, неумного сердца. Молодой артист Стефан Гецов достигает здесь подлинных высот трагедии.

...Прием послов. Невыносимо тяжелы условия турецкого султана: большая дань, сестра царя Мария Десислава должна стать женой султана. Вокруг ропот, возмущение. Царь молчит. Лишь в отдалении тяжелые аккорды оркестра как бы напоминают о его состоянии. А затем страстный монолог, где все более нарастает смятение, где Иван истопленно кричит, и этот крик тотчас подхватывает, усиливает трагическая мелодия в оркестре. Затем сцена в церкви, полная величия и скорби. Сосредоточенно поет хор. Тускло отсвечивают свечи. Мария на коленях просит о милосердии. Иван страстно говорит о подвиге, о народе, луч света выхватывает из полумрака их взволнованные лица. Мария выпрямляется, принимает благословение патриарха.

Вряд ли слова, что молодая одаренная Виолетта Бахчеванова интересно, обаятельно, драматично играет Марию Десиславу, могут передать сущность содержания ее образа. Кажется, издавек, из глубины веков пришла на сцену эта строгая девушка в пурпурном одеянии — верная и нежная в любви (вспомним ее встречи с Мирославом!), мужественная в своей верности родине, готовая на подвиг и самоотречение.

О многих персонажах спектакля можно сказать, что в них живет

дух эпохи, верность психологической правде.

Дух эпохи передан и во всей постановке Николая Любканова. Всесторонне и глубоко сумел воплотить в спектакле лучшие заветы сценического реализма молодой болгарский режиссер, воспитанник Ленинградского театрального института. Все на сцене строго и лаконично, каждая деталь выразительна и точна. Наиболее патетические моменты, кульминации чувств подаются «крупным планом» — высвечиваются из мрака, всемерно приближаются к зрителю. Выразительно звучание хора и музыкальных фрагментов: они как бы вторят, подчеркивают переживания героев. Органично слилось со всем, что происходит на сцене, и оформление художника Асена Митева.

Гражданский, патристический пафос присущ также спектаклю «Голос народа» Георгия Караставова, видного современного болгарского писателя и драматурга. Эту новую постановку театр задумал как широкую эпическую картину народной жизни тридцатых годов, когда подтачивались, рушились привычные устои буржуазной деревни, рождались новые силы, сплотившие народ на борьбу. И здесь театр меньше всего выступает бытописателем прошлого. Постановщик спектакля Филипп Филиппов стремился подчеркнуть эпическое начало, через раскрытие личных, неповторимых судеб героев показать бессмертие революционного духа народа. Спектакль возникает под звуки широкой народной песни. Далеко к горизонту уходят унылые желтоватые борозды земли: она не приносит радости тем, кто на ней трудится. Почерневшее обнаженное дерево. На этом фоне (художник Мана Парпулова) развертываются столкновения между кулацкой семьей Жеко Жанкова и сторонниками коммуниста Выхло.

Самый колоритный, многогранный образ спектакля Жеко Жанков — Стефан Савов. Болгарским

артистам органично присуще удивительное чувство правды. Это можно сказать о многих исполнителях — участниках гастролей. Но наиболее одаренные из них, кроме того, обладают драгоценным умением лепить образ предельной жизненной достоверности, обогащать его многочисленными штрихами. Таков Жеко Жанков. Это не привычный сценический портрет кулака, который сразу раскрывает свою сущность стяжателя, а живой, сложный человеческий характер.

Жеко Жанков по-своему умен и проницателен. С разными людьми он говорит по-разному, то добродушно и мягко, то заискивающе лгиливо, то с грубоватой резкостью. Вспомним сцену, когда он уговаривает Латинку пойти к брату Выхло, предотвратить собрание крестьян: Жеко выглядит здесь даже доверчивым, заботливым, начинает разговор с теплых, душевных интонаций. Латинка — Николина Лекова скромна, забита многими годами тяжелой жизни. Может быть, впервые возникает у нее осознанное чувство протеста. В эти минуты она будто преображается: меняются лицо, голос, поведение. Ярость Жеко и Желязки, которые бросаются с вилами на Латинку, не может сломить ее решимости, она уходит из ненавистного дома, идет все дальше и дальше по суровой желтой земле. А вдали снова слышатся тяжелые удары оркестра, как напоминание о зреющем гневном народном.

Менее удачно выписаны драматургом основные положительные персонажи Выхло и Тончо. Они бездейственны, декларативны, их внутренний мир остается скрытым от зрителя. Уж слишком параден и внешен Выхло с его неизменно правильными речами. Трудно за ним распознать и полюбить его горячее сердце, его живые человеческие черты.

«Ворожей» С. Л. Костова в постановке Моиса Бениша весело и зло осмеивает невежество, суеверие, слепую жажду наживы людей буржуазной деревни. Это их — попа, старосту, сборщика налогов ловко одурачил фотограф Манчо, который к тому же заполучил себе в жены любимую девушку Босилку.

Спектакль интересно предваряет живописный занавес — картинка жизни старой деревни, нарисованная художником Иваном И. Димитровым с явно ироническим оттенком. Озорно, непринужденно трансформируется в различные облики Манчо — Георгий Попов. Когда он в одежде цыгана-ворожея приходит в деревню и начинает гадать, все, как зачарованные, смотрят на руку старосты Данко, будто вот-вот увидят там его будущее. Манчо не прочь потешиться над хитрым толстым попом, которого так сочно играет Стефан Сырбов, переглянувшись с Босилкой (Стефка Карцарска), как-то по-особенному звонкой, наивной и чистой. Но безобидная смешная комедия вдруг обертывается нещадной сатирой на ненавистную алчность тех, кто боль-

ше всего обязан защищать закон, мораль и справедливость.

Когда думаешь об искусстве болгарских артистов, невольно хочется увидеть и спектакли наших современников, а их театр не показал. Хотелось, чтобы коллектив проявил большую смелость в преодолении установившихся традиций, в поисках нового. Многие представляются значительным и интересным в постановке драмы выдающегося болгарского поэта П. К. Яворова «У подножия Витоши».

Звуки шарманки, которыми начинается и завершается спектакль, сразу же вводят в атмосферу времени. На фоне Витоши мы видим основные контуры комнат в доме богача Стефана Драгоданову, где разворачивается столь обычная для прошлой трагедии его сестры Милы. Стефан считает, что Мила должна выйти замуж за недалекого, но обеспеченного доктора Чипилковского, а не за бедняка Христофорова. Мила протестует, уходит из дома, гибнет.

В поисках более глубокого раскрытия психологического состояния действующих лиц режиссер Стефан Сырчаджиев и художник Асен Попов находят в ряде сцен острые и неожиданные решения. Начало спектакля, когда из полумрака высвечивается одинокая фигура Милы с письмом в руках, сразу же сосредоточивает внимание на переживаемой ею драме. Мила — Славка Славова на первый взгляд мало чем примечательна: невзрачная внешность, скромное серенькое платьице, иногда черный фартук, но в ее груди бьется непокорное, свободолюбивое сердце, она не может, не хочет примириться с деспотизмом брата. Конфликт между ними приобретает необычайно острое драматичное выражение.

Удивительно тонко и точно в своем психологическом подтексте сырана встреча Милы и Христофорова на кладбище. Низко, почти до земли склонились ветви дерева. Крылатый ангел на постаменте простирается над влюбленными. В словах, в поведении Милы — быстрая смена различных состояний: тревога, любовный порыв, мольба, отчаяние — «спасите меня!». Христофоров боится взглянуть ей в глаза, становится за спиной Милы и, чуть лаская ее плечи, говорит о невозможности их бегства. С какой силой воспринимаются здесь отделенные удары колокола! Мила говорит — эти звуки оплакивают ее жизнь. А вот гром в финале, при появлении Христофорова у постели умирающей Милы — это уже традиция, мелодраматический эффект.

Много мыслей рождает высокое искусство наших болгарских друзей. Впечатления еще очень свежи, не улеглось волнение от только что просмотренных спектаклей. Поэтому очень трудно о них рассказывать и анализировать. Встреча с болгарскими артистами надолго останется в памяти. Это встреча с большим искусством, где слились воедино идейная целеустремленность, правда, романтика и поэзия — самые высокие прекрасные начала человеческого творчества.

Н. ПУТИНЦЕВ.

Сцена из комедии С. Костова «Ворожей». На снимке (слева направо): Данко Гарванов — артист Николай Узунов, Манчо Вагарджиев — артист Георгий Попов и поп Стойко — артист Стефан Сырбов.

Фото Евг. ОСИПОВА.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

30 октября 1962 г.

3 стр.